

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. М., 2004.
2. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. Екатеринбург, М., 2008.
3. Эпштейн М.Н. Философия тела; Тульчинский Г.Л. Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с.
4. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., Жуковский, 2003.

*Алексей Игоревич ПАВЛОВСКИЙ —
доцент кафедры философии
Тюменского государственного университета,
кандидат философских наук
tiranosawr@yandex.ru*

УДК 130.2

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРА?**WHAT IS CULTURE?**

АННОТАЦИЯ. В статье описываются онтологические основания культуры, дается ее определение, показывается ее роль в развитии человеческого общества, а также ее связь с человеческим Я.

SUMMARY. This article describes the ontological grounds of culture, gives its definition, shows its role in the development of human society and its relation with human Ego.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Искусство, культура, культурные формы, медиатор, онтология культуры, опредмечивание социального Я, освоение действительности, система ценностей, социальная солидарность, художественный образ, Я.

KEY WORDS. Art, culture, culture forms, mediator, ontology of culture, objectivation of social Ego, mastering of reality, system of values, social solidarity, artistic image, Ego.

Понимание человека невозможно без понимания его культуры, а понимание его культуры невозможно без принципиального понимания феномена культуры как такового в своей онтологической тотальности. Существует множество определений культуры, «выхватывающих» различные сущностные аспекты этого многостороннего феномена, но сама эта терминологическая полифония свидетельствует об отсутствии принципиальной определенности, относительно его природы, которая, конечно, не смогла бы объединить все возможные интерпретации, но хотя бы поместила их в одно понятийное пространство.

Культура является антиподом природе. Собственно говоря, все многообразие существующих в мире вещей, если подходить к этому вопросу онтологически, можно попытаться подразделить на основании своего происхождения в зависимости от того, участвовала ли в создании их человеческая воля, или же они возникли вне ее, в соответствии с естественными природными законами.

Проблема тут заключается в том, что в любой вещи, в создание которой была вовлечена человеческая воля, неизбежно присутствует и природный компонент, это обусловлено тем, что человек не способен творить вещи из ничего,

поэтому человек берет природные компоненты, существующие до и вне его, а потом создает из них нечто, представляющее из себя продукт человеческого творчества.

Так как к сфере культуры относится как раз то, что творится человеческой волей и должно быть противопоставлено природному миру, то проведение данного противопоставления на уровне вещей обесмысливает проблему. Действительное, все созданное человеком в то же время в той или иной степени является и природным. Вместо противоположности мы получаем подчинение понятий, а оппозиция культуры и природы из сущностной смещается в акциденциальную перспективу.

Чтобы вычленил правильный ракурс, в котором только и может быть осмыслена оппозиция человеческого и природного, нужно понять превращение вещи в процессе ее трансформации под воздействием человеческого творчества, и определить в каком смысле преобразованная вещь приобретает культурное измерение, а в какой остается природной. Человеческое воздействие касается не материи вещи, а ее формы, это было понято еще Аристотелем, если, конечно, рассматривать материю в ее всеобщей универсальности как материю вообще, а не как конкретный вид материи. Даже трансформация вида материи, превращение материи является по отношению к материи вещи формальным преобразованием, ибо при этом меняются свойства материи, ей придаются те свойства, которые нужны человеку для тех или иных целей.

Природный предмет становится предметом культуры в процессе придания ему новой формы. Таким образом, в отношении материальной реальности культура выступает источником формообразования, она придает порождениям природы новые формы, в процессе чего они перестают быть только творениями природы, а становятся еще и культурными артефактами.

Природа имеет два измерения бытия: материальное и духовное, так как она является источником как материи, так и формы. Культура имеет только одно измерение: духовное, она способна породить лишь формы, которые человек транслирует в природу. Но при этом собственно «культурной» материи не возникает, культура «захватывает», «присваивает» природную материю, используя ее для воплощения своих форм.

В этом коренится принципиальное различие и даже несоизмеримость продуктов природы и культуры. Природные продукты после утраты ими соответствующей формы все равно продолжают оставаться природными продуктами, а утрачивающие свою форму продукты культуры становятся продуктами природы.

Неравноправно и положение культуры и природы. Природа является материально-духовным феноменом, она самостоятельна и может существовать без культуры. Культура является духовным феноменом, а потому она нуждается для своего предметного существования в наличии заимствованных ею у природы материальных объектов.

Граница между культурным и природным бытием, таким образом, пролегает не внутри материальной сферы, с точки зрения своей материальности все существующие вещи являются творениями природы. Граница между природой и культурой расположена в духовной сфере, она разделяет два типа духовных форм, которые не становятся менее духовными от того, что воплощаются в процессе человеческой деятельности в материю.

Таким образом, культура — это сфера человеческого внеприродного формообразования в его духовной целостности.

Будучи духовным феноменом, культура является еще и целостным феноменом. Целостность культуры проявляется в том, что она отличает не только человеческий мир от природного, но и разные человеческие миры друг от друга. В рамках различных культур складываются различные формы, поэтому актуальным является вопрос о единстве этих форм. Вернее о том, как понимать это единство. Различные формы, созданные человеком в процессе своего исторического развития, обладают чертами сходства и различия. При этом разные формы сходятся и различаются по различным основаниям.

Если бы существовало всего одно основание для анализа сходств и отличий разных культурных форм, было бы относительно просто произвести их классификацию, что было бы равносильно пониманию внутренней структуры культуры. Но оснований существует множество, а потому конкретная классификация форм культуры будет зависеть от иерархии оснований. Этот вопрос является ключевым в деле понимания природы культуры, так как только правильная классификация форм культуры может обеспечить правильную их пространственно-временную группировку, благодаря чему станут понятны внутренние процессы развития и функционирования культуры.

Основополагающим является проблема бытия культуры. Где существуют формы, которые воплощаются в конкретные вещи?

Источником возникновения конкретной культурной формы всегда выступает некоторый человек или группа людей, которые и реализуют ее на практике. В то же время сам тот факт, что различные культурные формы, созданные разными людьми, имеют общие черты, показывает, что формообразование в культуре не является прерогативой индивидуума в его индивидуальности, но имеет общественный характер.

Главная проблема бытия культуры коренится на пересечении трех указанных аспектов. Культура — исключительно духовный феномен. Культура — надиндивидуальный, общественный феномен. Культура — целостный феномен, и эта целостность скрывается за многообразием ее форм. Попытка согласовать эти утверждения, описывающие онтологический статус культуры, ставит нас перед вопросами. Как возможна общественная (надиндивидуальная) духовность? Как может существовать дух народа, не обладающего ни собственным мозгом в прямом смысле этого слова, ни собственной субстанциональной душой? И, вместе с тем, «дух народа» является объективной реальностью, социальность культуры задается тем, что «делателями» культуры в их индивидуальных проявлениях являются человеческие общности.

Духовная общность, способная создавать схожие культурные формы, является таковой благодаря когерентности входящих в эту общность индивидов. Эта когерентность встроена в человеческое Я, в его фундаментальную духовную природу. Индивидуальная духовность человека включает в себя некие представления, которые связывают его с другими людьми, образующими с ним одну духовную общность. Именно поэтому можно утверждать, что культура, как и любые духовные проявления человеческих общностей, является виртуальным феноменом.

Человеческое Я представляет собой систему ценностей [1; 142]. В эту систему ценностей входят как ценности, характеризующие индивидуальность данного человека, так и те ценности, которые объединяют его с представителями некоторых духовных общностей, к которым он, таким образом, относится. Специфика Я задается не только наличием в нем некоей ценности или ее отрицания (ценности составляют бинарные оппозиции), но и соотношением,

существующим между ценностями. Надындивидуальная духовность формируется стихийным согласием индивидов, обладающих сходными фрагментами ценностной структуры Я и имеющих из-за этого сходные представления о должном.

Понятно, что эта виртуальная духовность культурной общности должна обладать целостностью, достаточной для того, чтобы упорядочить отношения индивидов и их поведение в окружающем их мире. Этой целостности должно «хватать» для обеспечения целостности культурной деятельности как таковой и целостности устойчивых духовных общностей людей, в первую очередь этнических общностей, которые явственны даны людям в их представлении и являются объектом отчетливой самоидентификации.

Понятно, что здесь главное значение имеет сходство между различными культурными формами. Вопрос в том, что «все на все похоже», а значит можно обнаруживать сходство данной интересующей нас культурной формы как с аналогичными формами культуры того же народа в другом времени, так и с современными аналогичными формами культуры других народов. Вопрос о выборе того, что для нас является «более похожим» становится вопросом основополагающим, ибо он не только задает модель человеческой истории в нашем ее понимании, но и принципиально определяет методологию познания культуры.

Некоторые мыслители понимают культуру как освоение действительности. Безусловно, подобный подход имеет право на существование, ибо культура суть неотъемлемая часть чисто человеческого способа приспособления мира, в котором он трансформирует окружающий его мир для нужд собственного бытия. В этом отношении возникновение культуры, несомненно, является продолжением процесса естественной эволюции, в ходе которой появляется существо, способное к особому противодействию естественным разрушающим силам природы. Человек, как несовершенное, слабое животное, не смог бы выжить, если бы ему не удалось найти свои особые механизмы выживания, и этими механизмами выживания стали способность к соединению в большие группы и способность к передаче социального опыта.

Таким образом, в среде человеческих индивидов, по мере того, как они, собственно говоря, и становились человеческими индивидами формируется особая виртуальная среда, обеспечивающая социальную солидарность и передачу социального опыта, которая только и могла обеспечить выживание локальных человеческих групп и постоянное их усиление в деле противодействия естественному отбору, вытесняющему «слабый» животный вид.

Но после возникновения человеческого общества и человеческой культуры сформировался особый, новый уровень бытия, который совершенно несводим к предшествующим уровням. Поэтому строго говоря, для этого уровня бытия нужно вводить новый методологический аппарат и новый инструментарий понимания, отнюдь не игнорируя связь проявляющихся на этом уровне закономерностей с закономерностями низших уровней.

Именно в игнорировании этого факта и заключена ущербность подхода, воспринимающего культуру как освоение действительности. Освоение действительности является характеристикой культуры, но характеристикой формальной, которая, на самом деле, говорит о культуре очень мало и поэтому не может быть взята в качестве основания группировки и классификации культурных форм.

Необходимое для выживания человека освоение действительности может быть достигнуто при помощи различных форм социальной солидарности (пере-

дача социального опыта, в конечном счете, встроена в эти формы), а потому эти формы приобретают собственное значение, несводимое к изначальным задачам освоения, для решения которых они первоначально и возникли — эти формы приобретают самостоятельность.

Природное выступает внешним вынуждающим началом, воздействующим на культуру, но не определяющим ее развития. Поэтому-то и неправомерно пытаться рассмотреть человеческую культуру как развитие форм освоения действительности.

Формы коммуникации людей инвариантны по отношению к освоению действительности и, в отличие от последних, непосредственно определяются культурой, поэтому единственно правильным будет рассмотрение культуры как развития форм именно коммуникации людей, как развития форм солидарности.

Отсюда следует закономерный вывод. Если непосредственной культурной функцией является обеспечение социальной солидарности людей при помощи общности ценностей и единства символических форм, то солидарность эта будет ограничена размерами общности, обладающей этими общими ценностями и, как следствие, формами, а значит изначально не является универсальной [2; 158]. А раз так, то культурные общности могут быть обозначены только в тех пределах, в которых они существуют как общности, обладающие достаточным уровнем солидарности для того, чтобы существовать в той или иной мере, как единое целое.

Культура — социальной аналог совокупности механизмов жизнедеятельности, существующих в биологическом мире. Поведение человека принципиально надприродно, а потому, как уже было показано, природные ограничения, налагаемые на него закономерностями природы, выступают для него именно как ограничения, а не как детерминанты поведения. И если в неразумной живой природе совокупность механизмов жизнедеятельности задается генетически обусловленными инстинктами, то в «разумной природе» поведение определяется ценностными установками человеческого Я, в который встроены ценностные установки культуры, обеспечивающие, таким образом, когерентность суверенных жизненных миров различных индивидов, что необходимо для их социального взаимодействия. Процесс передачи культуры выступает аналогом генетического механизма, только если генетическая матрица природы предметна, ибо существует в виде последовательности химических соединений в ДНК. Генетическая матрица культуры полностью виртуальна, она переходит от индивида к индивиду в процессе воспитания.

Поэтому мы не можем в рассмотрении культуры остановиться на тривиальном заявлении о том, что она является освоением действительности, мы должны дополнить это рассуждение построением универсальной классификации культурных общностей (подобно тому, как в мире химических закономерностей мы будем говорить о единой классификации соединений, а в мире биологии — о единой «лестнице» видов).

А на этом, более конкретном уровне, мы не можем уже рассматривать культуру как освоение действительности, теперь она предстает для нас как инструмент координации индивидов в рамках человеческой общности, или, что точнее, как механизм достижения солидарности в ее рамках. В этом отношении она связана с моралью.

Вообще взаимоотношения морали и культуры достаточно просты для понимания и выражения в виде небольшой философской схемы. Сердцевиной

виртуальной сферы, образуемой взаимодействием индивидов, является система ценностей данной человеческой общности, которая задается общей для всех ее членов частью систем ценностей индивидов, их Я. Эта виртуальная система ценностей может быть выражена моралью, при помощи которой она прилагается к реальной действительности в виде непосредственной системы предписаний, выражающих должное. Эта же виртуальная система ценностей может быть опредмечена культурой, причем механизмом этого опредмечивания выступает искусство.

Понятно, что культура не может быть напрямую сведена к морали, но они обе восходят к общему виртуальному основанию. Эта система ценностей общности, обозначим ее термином «социальное Я», выражается в морали и опредмечивается в культуре при помощи совершенно разных механизмов. Мораль не выходит за рамки виртуального бытия, а потому ее выражение заключается в простом манифестировании по поводу набора знаковых ситуаций, которые несут в себе информацию о всех возможных ситуациях, к которым может быть приложима мораль.

Опредмечивание социального Я гораздо более сложный процесс, он чаще всего выходит за пределы сферы виртуального бытия в реальную действительность, в результате чего сама эта действительность преобразовывается; таким образом искусство выступает инструментом преобразования действительности и является посредником, формирующим культуру. Причем именно за счет этой своей посреднической роли оно обретает собственное бытие и собственные закономерности, превращается в самостоятельное функционирующее целое, которое может быть рассмотрено поэтому в отрыве и от самой культуры, и от социального Я.

Глубинная разница между поэтом и моралистом заключается в том, что моралист подбирает слова для выражения ценностей, а поэт конструирует образы для выражения смыслов.

Для понимания сути этой разницы необходимо вспомнить о том, что система ценностей, социальное Я, несет в себе не только сами ценности, но и структуру, связывающую их в систему, причем структура эта суть структура мира, как она дана нам в представлении о мире, существующем в социальном Я. Структура эта состоит из смысловых связей, а следовательно отдельные смыслы выступают тут фрагментами этой единой структуры социального Я. Поэтому если в морали нам дан результат приложения системы ценностей к действительности, то в искусстве он нам дан вместе с самим представлением о действительности, внутри этого представления. Поэтому моралисту достаточно просто объявить нам свои выводы о том, как мы, по его мнению должны поступать, а поэту, как и любому другому деятелю искусства, нужно сконструировать фрагмент квазидействительности в своем представлении, в котором бы эти ценности были в своей взаимосвязи друг с другом. Именно эта необходимость конструирования и задает принципиальную специфику искусства, а конструируемый фрагмент квазидействительности является художественным образом, а целостное произведение искусства представляет собой попытку систематизации (с разной степенью успешности) этих фрагментов.

Понятно, что в большинстве видов искусства этот фрагмент квазидействительности воплощается в соответствующий фрагмент действительности, как, например, в скульптуре, архитектуре, живописи и др. Но и исходный фрагмент квазидействительности, тоже является результатом опредмечивания, только опредмечивания виртуального.

Понятно, что сама по себе мораль в качестве механизма достижения общественной солидарности совершенно недостаточна, ибо она ориентирована на приведение к солидарности уже сложившихся Я, в то время как ее воспитательная функция очень мала. Во-первых, потому, что обращена она в первую очередь к человеческому сознанию, в то время как реальное программирование индивидуального человеческого Я осуществляется на бессознательном уровне. Во-вторых, потому, что в морали не передается структура системы ценностей. Ввиду этого, оба этих механизма обеспечения общественной солидарности необходимы. Культура транслирует и подкрепляет ценности и смыслы, а мораль наглядно и понятно для сознания выражает их и таким образом координирует общие тенденции развития культуры.

И если мы рассматриваем культуру как механизм достижения солидарности, то мы можем рассматривать ее не как культуру вообще, а как культуру конкретных общностей, того или иного уровня общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павловский А.И. Введение в метафизику человеческого «Я» // Философия и культура. Сб. науч. трудов. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2001. С. 130-170.
2. Павловский А.И. Человеческое Я и моральное пространство // Человек и Вселенная. 2006. № 2 (55). С. 157-162.

*Анна Александровна ГАЛКИНА —
ст. преподаватель кафедры
инструментального исполнительства
Алтайского государственного университета,
кандидат философских наук
galkina-a@mail.ru*

УДК 130.2

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА ТЕХНОГЕННО-ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ СРЕДСТВАМИ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ (на примере квартетного исполнительства)

OVERCOMING OF THE CRISIS OF ANTHROPOGENIC-CONSUMER CIVILIZATION BY MEANS OF CLASSICAL MUSIC (on the basis of quartet music performance)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается роль классической музыки в преодолении современного кризиса «живого» общения и формировании мировоззрения, способного противостоять агрессии и эгоистическому индивидуализму во имя ненасилия и соборности. Все эти идеи проиллюстрированы на примере квартетного исполнительства.

SUMMARY. The given article examines the role of classical music in coping with the modern crisis of «live» communication and forming the outlook, capable to resist the aggression and egoistical individualism for the sake of a nonviolence and conciliar nature. All these ideas are illustrated by the example of quartet music performance.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Классическая музыка, общение, квартет, исполнительство.

KEY WORDS. Classical music, communication, quartet, performance.